

Первый русский журнал

С. И. Шуртаков

Первый отечественный научно-популярный и литературный журнал имел замечательное, легкозапоминаемое название — «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих». Название, как видим, и кое-что поясняющее и вместе с тем «завлекающее», наивно-простодушное; прочитав его, наверное, и хмурый человек не удержится от улыбки.

Журнал выходил десять лет, с 1755 по 1764 год, имел обычный книжный формат и, как правило, переплетался двумя томами-полугодиями по 576—600 страниц; на титульных листах января и июля печаталась гравированная виньетка с почти современным девизом: «Для всех». И следуя ему, журнал провозглашал своей целью «писать не токмо для пользы, но и для увеселения читателей, чтоб всякий, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи».

Идея этого издания принадлежала Михаилу Васильевичу Ломоносову. В обращении к фавориту Елизаветы Петровны И. И. Шувалову он писал: «Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались печататься периодические сочинения... чему много имеем примеров в Европе». Шувалову идея понравилась, «примеров» подобных изданий в европейских странах к тому времени было уже достаточно много, и он предложил президенту академии К. Г. Разумовскому издавать журнал на русском языке. (Внизу титульных листов так и значится: «В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук».)

Редактором журнала стал академик Г. Ф. Миллер. И, давая общую характеристику своему новорожденному детищу, он писал: «...предлагаемы будут здесь всякие сочинения... а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых науках, но и такие, которые новое изобретение показывают или к поправлению чего-нибудь повод подать могут».

Среди авторов журнала были такие известные историки, как Васи-

лий Татищев и Михаил Щербатов, и не менее известные литераторы Василий Тредиаковский и Александр Сумароков. Принимал участие в издании и сам Ломоносов, но, если не считать подписанных его именем двух стихотворений, публиковался он анонимно.

Ну а теперь, после общей характеристики издания, можно перейти и к его более конкретному, постатейному содержанию. Правда, тут нас ждут немалые трудности.

В конце каждого месячного выпуска последнюю страницу занимает оглавление напечатанных сочинений. И если перемножить эти странички хотя бы на двенадцать номеров одного года, и то получим огромный реестр одних только названий опубликованных «материй». И читать этот реестр будет, наверное не столь увлекательно, сколь утомительно.

В публикации «Первая русская газета» («История Петербурга». 2002. № 3 (7)) выход из аналогичной ситуации был найден в подробном обзоре первых газетных номеров и кратком изложении наиболее важных исторических событий в последующих. Может быть, и здесь пойти по такому же пути?

Итак, открываем первый том-полугодие 1755 года. Начинается он, если по-нынешнему — предисловием, а по-тогдашнему — предуведомлением. Предуведомление довольно пространное, что вполне понятно: подобных изданий до этого в России еще не было!

«Пользу ученых журналов, издаваемых в почтовые дни, понедельно и помесечно, выхвалять, кажется, нет нужды. Все европейские народы в том согласны. Читатель не чувствительно настаивается, когда в определенное время получает по немногу число листочков вдруг; и сие наставление обыкновенно тверже в нем вкореняется, нежели чтение больших и пространных книг. Любопытство его при том всегда умножается, когда наступает время, в которое новый лист или новая часть такого сочинения из пе-

чати выйти имеет. Редко кто не захочет оно читать, а по краткости своей не может оно никому наскучить; и едва ли кто покинет его из рук, не прочитав он начала до конца».

Вот таким «выхваленьем» ежемесячника как периодического издания начинает издатель разговор с будущим читателем.

Кому-то может показаться, что в небольшой по объему публикации приводить пространные выписки нерасчетливо, неэкономно, и я охотно с этим соглашусь: краткий пересказ занял бы куда меньше места. Но ведь при пересказе уходит не только лексика, но и весь грамматический и интонационный речестрой того времени, а вместе с языком уйдет и само время. Принято считать, что наш литературный язык сложился лишь с приходом Карамзина и Пушкина, то есть в начале XIX века. От нашего же времени середины XVIII отделяет и вовсе два века с половиной. Так, чтобы хоть в какой-то мере ощутить дух и реалии того, уже далекого, времени, придется перемежать пересказ цитированием первоисточника.

Далее в предисловии воздается должное «его высокографскому сиятельству ясновельможному Малороссийскому гетману и Академии наук президенту» за учреждение сего издания и добавляется, что члены академии, в свою очередь, «ничего так не желают, как Российскому государству и народу трудами своими принести действительную пользу, и сколько возможно возбудить во всех удовольствие, какое производит знание Наук, всеми силами стараться будут заслужить себе похвалу у читателей».

Ученые обещают помещать в журнале «всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут... в Экономии, в Купечестве, в Рудокопных делах, в Мануфактурах, в Механических рукоделиях, в Архитектуре, в Музыке, в Живописи и Резном художестве». Но делают оговорку, что не будут печататься «те сочинения, кои ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны бывают».

А еще «для сохранения благопристойности вноситься не будут сюда явные споры или обидою написанное против кого бы то ни было».

Сохранение элементарных приличий в спорах распространяется не только на ученых мужей, но и на литераторов: «Мы так же желаем, чтоб и стихотворцы сочинения свои нам сообщали, между которыми могут быть и забавные; но мы надеемся, что сочинители оных ни до кого персонально касаться не будут».

Как тут не скажешь: далеконько мы продвинулись от тех приснопамятных времен! «Чувствительные возражения», касающиеся персон, в современной периодике занимают едва ли не главенствующее место!..

«Стихотворческие сочинения принимаем мы наипаче для того, что в них многое весьма сильнее и приятнее изображается, нежели простым слогом; к тому ж мы за должное признаем, писать не токмо для пользы, но и для увеселения читателей. Такие стихотворцы, каких Россия ныне имеет, достойны чтоб потомкам в пример представлены были».

Далее сообщается, что найдут место в журнале и сочинения, которые «не требуют чтоб написаны были стихами, а именно притчи, сны, повести, но и они, изображенные простым слогом, не меньше полезны, коль и приятны... Чаем, что и переводы всяких полезных и приятных материй, взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям».

Заканчивается предисловие эмоциональным восклицанием: «Коль великое множество имеем мы еще других материй с экстрактами из достовернейших российских летописей, старинных грамот и иных архивных дел; высочайшие узаконения и указы, до всенародного благополучия касающиеся... а так же объявлять будем о иностранных и здешней печати новых и полезных книгах, о знатнейших политических каждого месяца приключениях».

И как бы в подтверждение только что обещанного — первый январский

выпуск журнала начинается «Краткой росписью великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия».

За «росписью» следует «Описание и изъяснение великого фейерверка, который в честь императорскому величеству Елисавете первой в Санктпетербурге пред Зимним дворцом на Неве в первой вечер 1755 года зажжен был». Описание пышнословное и пространное, на восьми страницах, оканчивающееся одическими стихами.

Еще одно историческое сочинение — «Об остатках города Пальмиры».

А далее идут материи уже иного характера — «О воспе и прививании оной», «О ртутных и горных заводах» и «Ответ на заданный Геттингенской Академии вопрос: каким образом известь наилучше приуготовлять, чтоб от воздуха и от всякой непогоды наиболее стоять могла».

Здесь же помещено стихотворение Ломоносова (не подписанное) «Правда ненависть рождает». А завершают выпуск «Гишпанские предложения о приведении в лучшее состояние мануфактур и купечества» и «Шведские предложения о приведении в лучшее состояние учреждений до экономии касающихся».

Чуть не забыл упомянуть весьма любопытную библиографическую «справку», которая дана под заголовком, чтение которого тоже вызывает улыбку: «Иностранные журналы равного с нами намерения».

Тут скрупулезно перечислены все европейские журналы того времени. Их больше сорока. Выпишу лишь те, в названиях коих то время получило свое отображение.

Открывает список самый стародавний «Меркурий Французский, в Париже с 1677 года». Все другие начали выходить уже после, по большей части — с середины XVIII века. Это «Журнал экономический», «Пчела с Парнаса», «Меркурий Дацкой в Копенгагене».

Много журналов выходило на английском языке: «Лондонские мисселания или собрание достопамятных

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНИЯ

къ пользѣ и увеселенію
служащія,

Іюль, 1755 года.

въ Санктпетербургѣ

при Императорской Академіи Наукъ

сочинений», «Лондонский магазин», «Магазин для Дворянства», «Путешественной магазин».

А еще больше — на немецком, на родине книгопечатания: «Гамбургский магазин», «Виттембергские примечания», «Смешенная библиотека». Это все серьезные журналы. А дальше идут — «Забава в праздничные часы Феодора Краузена, в Лейпциге», «Академические гулящие часы», «Бременския сочинения для увеселения разума», «Увеселения разумной души из нравоучительной и из других наук вообще», «Гамбургския сочинения о делах остроумия и нравоучительной науки». А также — «Галльския недельная показания» и «Дрезденския показания», «Переводы некоторых стихами и простым слогом составленных сочинений о наилучших английских писателей, в Брауншвейге», «Самые лучшія нравоучительные рассуждения английских и немецких моралистов», «Разумныя рассуждения о всяких исторических, критических и нравоучительных материях».

Таким был первый номер «Ежемесячных сочинений».